

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ПОИСК

АРХЕТИП ПУТИ В КУЛЬТУРЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Екатерина
ХАЛЬПУКОВА

Переломные моменты в истории каждого народа всегда характеризуются повышенным интересом к идее пути, понимаемой как предназначение и поиск национальной идентичности. Начало XX века для России и Беларуси является одним из кульминационных периодов культурно-исторического развития, в котором архетип пути обрел философское и литературное осмысление.

К архетипу пути восходят все сферы человеческого бытия: это и ценностные ориентиры жизненной дороги отдельной личности, и вектор исторического развития цивилизаций, и универсалия научного, философского познания, и религиозные принципы духовного совершенствования. Любая культура актуализируется именно через идею пути, направленную на внутреннюю либо внешнюю трансформацию. В даосизме путь – Дао – является синонимом мудрости мироздания (законов природы, по которым развиваются космические объекты) и отдельной человеческой жизни (понимание своего Дао и следование своему предназначению предотвращает удары судьбы) [1, с. 110]. В написанной более двух тысяч лет назад «Книге о Пути и Славе» («Дао дэ цзин») через отношение к Дао определяется уровень развития личности: «Человек высшей учености, узнав о Дао, стремится к его осуществлению. Человек средней учености, узнав о Дао, то соблюдает его, то его нарушает. Человек низшей учености, узнав о Дао, подвергает его насмешке» [2, с. 87].

Конфуций отождествлял понятия Благородного Пути и Пути Середины [3, с. 362], видя в этом залог успешного государственного правления: «Государства, уделы, княжества будут всегда совершен-

ными в управлении и будут также процветать, обретать могущество, если они будут следовать по Пути Середины» [3, с. 353].

СОЛОВЬЕВ И АБДИРАЛОВИЧ

В русской и белорусской философии начала XX века по-разному понимался «Благородный Путь Середины». Необъятная Россия, с ее тяготением ко всему глобальному, выбирала особый – метаисторический – путь соединения крайностей; возрождающаяся Беларусь видела свой путь в отказе от мировоззренческих полюсов и формировании своего особого – «третьего» – пути.

Учение Владимира Сергеевича Соловьева, его взгляд на историю как на богочеловеческий процесс оказали огромное влияние на формирование русского религиозного сознания в начале XX века. Богочеловечество, по мнению философа, – это соединение Запада, где человеческое преобладает над божественным, и Востока, где божественное превалирует над человеческим. Христианство, как считал В.С. Соловьев, является объединительной силой, подчиняющей волю человеческую воле Божьей. Полнота божественного и человеческого, свершившаяся в личности Христа, должна совершиться в человечестве: «Истинное богочеловеческое общество, созданное по образу и подобию Самого Богочеловека, должно представлять свободное согласование божественного и человеческого начала, а это обуславливается как действующею силою первого, так и содействующею силою второго» [4, с. 121].

России В.С. Соловьев отводил особую, мессианскую роль в богочеловеческом процессе. В 1888 году в парижской лекции о предназначении России в мировой

СЛОВА МАЛАДЫМ ВУЧОНЫМ

истории философ отмечал: «Идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [5, с. 220]. По его мнению, человечество является единым организмом, в котором различные нации предстают как живые члены, вследствие чего под истинной национальной идеей понимается органическое функционирование нации во вселенской жизни.

Путь России В.С. Соловьев отождествлял с принципами христианства: «Русская идея, мы знаем это, не может быть ничем иным, как некоторым определенным аспектом идеи христианской, и миссия нашего народа может стать для нас ясна, лишь когда мы проникнем в истинный смысл христианства» [5, с. 239]. У В.С. Соловьева этот истинный смысл и, следовательно, миссия русского народа заключаются в восстановлении христианского единства, благодаря чему и будет возможным воплощение христианского идеала в жизни: «Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа)... Восстановить на земле этот верный образ Божественной Троицы – вот в чем русская идея» [5, с. 245–246]. Критерием истинности этой идеи является, по В.С. Соловьеву, единение России с другими народами [5, с. 246].

Если «властителем дум» в дореволюционной России был В.С. Соловьев, то на мировоззрение всей культурной элиты Беларуси XX века колоссальное влияние оказало философское эссе Игната Абдираловича (Кончевского) «Адвечным шляхам: Даследзіны беларускага светагляду» (1921), в котором архетип пути был отображен наиболее ярко и полно. На основе подробного анализа этой работы, произведенного Т. Слинкой [6], выделим ключевые положения столь важной в истории Беларуси концепции.

«Путь» («шлях») соединяет прошлое, настоящее и будущее, отрицая при этом, в отличие от идеи, некие застывшие формы

и устремляясь в бесконечность. Извечность этого пути заключена для Беларуси в некоем метафизическом постоянстве, которое не позволяет нации до конца отречься от своего предназначения и выражается в идее мифологического возвращения к утраченному. Измерение идентичности белорусского пути, по мнению И. Абдираловича, определяется онтологическим статусом Беларуси как границы между Западом и Востоком, одновременно разделяющей и соединяющей две цивилизации, но не являющейся ни той, ни другой. Восточная склонность к крайностям, с видением мира только в черных или белых тонах (*tercia non datur* – третьего не дано!), неприемлема для Беларуси, так как при таком раскладе отсутствует «третий путь», отличный от восточного и от западного. Однако и западная склонность к компромиссу не привлекательна для белорусов, так как отталкивает своей неискренностью и лицемерием. Исходя из этого, философ руководствуется Гераклитовым тезисом «Все течет, все изменяется, нельзя дважды войти в одну и ту же реку», а следовательно, и понятием «текучести» культуры. В соответствии с этим белорусский путь видится как отказ от застывших форм Востока и Запада и обращение к творческой основе жизни. Социальный аспект творчества философ связывает не только с творческими личностями, но и с национальной независимостью от восточных и западных форм воздействия. Мистический же аспект творчества, по мысли И. Абдираловича, представляет собой гармоничное соединение воззрений на материальную природу и мифологического духа язычества. Союз «Матери-Материи» и животворящего духа «Отца-Купалы» определяет предназначение человеческой души: «І мы – з лана Маткі-Матэры з вечным творчым духам агнявога Купалы прыходзім у свет, каб тварыць формы, каб з мацярынскай нявыразнасці стварыць нешта «па свайму образу

ХАЛЬПУКОВА

Екатерина Леонидовна.

Родилась в 1984 году в г. Лиде Гродненской области. В 2006 году окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. С 2006 по 2009 год – аспирантка кафедры белорусской литературы и культуры филологического факультета БГУ. С 2009 года – преподаватель кафедры прикладной лингвистики филологического факультета БГУ.

Автор 17 научных публикаций.

Сфера научных интересов: мифопоэтика, лингвистическая компаративистика.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т.И. Шамякина.

Владимир Соловьев

Игнат Абдиралович

і падобію», па образу нашай праменнай душы» [7, с. 29].

Таким образом, философские основания архетипа пути в России и Беларуси начала XX века, тождественные понятиям «русская идея» и «беларускі шлях», связаны с дихотомией Востока и Запада, но имеют различные преломления: миссия России – объединительная, вселенская; путь Беларуси – отличный от восточного и западного, одновременно соединяющий обе традиции и независимый от них. В современном осмыслении идеи белорусского пути сложно не согласиться с утверждением Ю. Чернявской о том, что «та роль, в которой, по мнению Вл. Соловьева, должно было реализоваться мессианское предназначение России – быть посредником между народами, – в силу политических и общих социокультурных событий была принята белорусами практически внерефлективно» [8, с. 203].

Белорусская национальная философия, выраженная в эссе И. Абдираловича, формировалась, прежде всего, в творческой атмосфере начала XX века. Важно отметить, что архетип пути («шляху») в соединении с идеей вечного возвращения был лейтмотивом всех сфер духовной жизни Беларуси «нашенивского» периода.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ

Концептуальная значимость архетипа пути глубоко и разнообразно осознавалась белорусскими писателями начала

XX века. М. Богданович решал проблему путей развития белорусской культуры, с одной стороны, через приобщение к сокровищнице европейского искусства, а с другой – через обращение к фольклорно-мифологическим истокам национального творчества. В своей знаменитой статье «Забуты шлях» перспективы диалектики развития белорусской поэзии М. Богданович сформулировал так: «Было б горш, чым нядбальствам, нічога не ўзяць з таго, што соткі народаў праз тысячы год сабіралі ў скарбніцу светавой культуры. Але занасіць толькі чужое, не развіваючы свайго, гэта яшчэ горш: гэта значна глуміць народную душу. Да таго ж адны жабракі могуць праз усё жыццё толькі браць. Трэба ж і нам, беручы чужое, калі-нікалі даць нешта сваё. А свайго, як мы бачым, мы давалі меней, чым магли» [9, с. 349]. Только такое единство национального и универсального (от слова «универсум» – мир, космос), по мнению М. Богдановича, позволяет говорить об истинности избранного пути.

Для творчества Я. Купалы характерно понимание архетипа пути как способа преодоления всяческих социальных дистанций, ибо именно дорога является местом пересечения судеб различных людей. В вышедшем в 1913 году поэтическом сборнике с концептуальным названием «Шляхам жыцця» посредством мифологемы пути осмысливается человеческая жизнь как странствие, благодаря которому происходит познание бытия и формируются ценностные ориентиры. Кроме того, архетип пути в поэзии Я. Купалы определяет возрожденческий контекст начала XX века:

*К новай долі шлях нам ляжа,
Як на небе млечны шлях [10, с. 20].*

Такое сравнение у поэта далеко не случайно: согласно славянской мифологии, по Млечному Пути души праведников – благородных, справедливых, мужественных людей – попадают в рай [11, с. 293]. А в подтексте стихотворения Я. Купалы прочитывается идея заслуженного светлого будущего для многострадального народа.

СЛОВА МАЛАДЫМ ВУЧОНЫМ

Я. Колас и З. Бядуля через мифологическую связь с окружающим миром и пантеистическое восприятие стремились к возрождению народных традиций: «праз «трэці ўзровень» культуры – пераасэнсаванне патэнцыялу інсітнага мастацтва» [12, с. 25]. М. Горецкий настаивал на театральном воплощении идеи белорусского пути: «І трэба паказаць са сцэны беларусу, у які бок кіравацца яму, па якому «шляху жыцця» пайсці і якім чынам сілы фізічнай і духоўнай набрацца...» [13, с. 173–174].

Идея пути как тождества мифотворчества и жизнотворчества особенно отчетливо осознавалась русскими модернистами в начале XX века: «Одним из центральных мифов, сотворенных символистами, отчасти чтобы легче перенести это переходное время, был миф о «пути», о паломничестве» [14, с. 266].

Творческая эволюция русских символистов обуславливалась, с одной стороны, «чувством» пути как глубинным пониманием избранного направления, а с другой – мифологемой пути как развитием идей и воззрений.

Но ясно чует слух поэта

Далекий гул в своем пути, – так писал А. Блок [15, с. 69], в творчестве которого архетип пути, воплощенный в женственном образе России, является центральным и соединяет различные уровни бытия: конкретно-исторический, символический и метафизический. А в каждом из них существуют еще и культурно-национальные моменты онтологической вертикали: сакральные вершины и демонические падения. Заслуживает внимания и тот факт, что литературный дебют А. Блока (19 марта 1903 года) состоялся в петербургском журнале «Новый путь», возникшем на почве Религиозно-философских собраний, в основе которых была идея реализации религиозного поиска.

Понимание пути соотносится с мифологемой «трудный путь», которая восходит к значению движения от сакрального центра к периферии или в обратном направлении и выполняет функцию инициации (например, путь аргонавтов у А. Белого).

Вообще, перемещение в метафизическом пространстве посредством мифологизации физического мира, многочисленные испытания в культурно-историческом хронотопе рубежа веков являются определяющими для символистского жизнотворчества.

Таким образом, идея пути непосредственно связана с осмыслением места и предназначения как отдельной личности, так и целой нации, как отдельного произведения искусства, так и всей национальной культуры в системе мироздания. Особенности архетипа пути в культурно-исторических реалиях России и Беларуси начала XX века обуславливаются спецификой русского и белорусского менталитетов. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Шамякіна, Т.І. Культура Кітая / Т.І. Шамякіна // Роднае слова. – 1997. – № 11. – С. 102–113.
2. Дао дэ цзин / Пер. и прим. Ян Хин-Шуна. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 192 с.
3. Конфуций / Сост. В.В. Юрчук; 4-е изд. – Мн.: «Современное слово», 2004. – 384 с.
4. Соловьев, В.С. Духовные основы жизни (1882–1884) / В.С. Соловьев. – Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом», 1982. – 144 с.
5. Соловьев, В.С. Русская идея / В.С. Соловьев // Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 219–246.
6. Сьлінка, Т. Праблема беларускай ідэнтэчнасці ў тэксце Ігната Абдзіраловіча / Т. Сьлінка // Беларускі Калегіум [Электронны рэсурс]. – 2004. – Рэжым доступу: <http://bk.baj.by/leksyji/litaratura/slinka01.htm>. – Дата доступу: 24.01.2009.
7. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
8. Чернявская, Ю. Белорусское самосознание: парадокс как путь к генеалогии / Ю. Чернявская // Всемирная литература. – 2008. – № 4. – С. 195–206.
9. Багдановіч, М. Выбраныя творы / М. Багдановіч; уклад. С. Забродскай, Э. Золавай і інш. – Мн.: «Беларускі кнігазбор», 1996. – 498 с.
10. Купала, Я. Шляхам жыцця / Я. Купала. – 2-е выд., папраўл. – Вільня: Віленскае выдавецтва Б.А. Клецкіна, 1923. – 270 с.
11. Шамякіна, Т.І. Міфалогія Беларусі (нарысы) / Т.І. Шамякіна. – Мн.: Мастацкая літаратура, 2000. – 400 с.
12. Вабішчэвіч, Т.І. Максім Багдановіч і станаўленне нацыянальнай паэтычнай традыцыі: дысерт. ... канд. філал. навук: 10.01.01 / Т.І. Вабішчэвіч. – Мн., 2007. – 119 с.
13. Гарэцкі, М. Наш тэатр / М. Гарэцкі // Творы: Дзве душы: Аповесць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: П'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1990. – С. 171–179.
14. Пайман, А. История русского символизма / А. Пайман; авторизованный перевод. Пер. с англ. В.В. Исаакович. – М.: Республика, 2000. – 415 с.
15. Блок, А.А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. Т. 1: Стихотворения. Книга первая (1898–1904) / А.А. Блок; сост. В.Н. Быстров и др. – М.: «Наука», 1997. – 640 с.